М.Г. Круглова

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЕДИНОГО АЗИАТСКОГО АРЕАЛА ЮВЕЛИРНОЙ ТРАДИЦИИ

Любая цивилизационная общность многокомпонентна. Это касается азиатских мегакультур: китайской и центральноазиатской. Исследование истории культурного взаимодействия позволяет выявить прозрачность границ древних культур и возможность выделить направления культурных влияний. Для современного искусствознания становится важным изучение не только форм, но и источников их создания, причин их сохранения в истории, а также основных направлений изменения. В качестве материала исследования выбрано ювелирное мастерство как значимый, но малоисследованный сектор декоративно-прикладного искусства. В качестве региона — Центральная Азия (в советских источниках — Средняя Азия) и Китай, а также Индокитай (Золотой Треугольник). Рассмотрение истории обработки металла и позже ювелирного дела в Центральной и Восточной Азии позволяет говорить о постоянном взаимовлиянии различных культур, тенденций и стилей длительностью в тысячи лет. Находясь в непосредственной географической близости, культуры различного образа жизни, различных верований развивали собственные тенденции в иконографии, орнаменте, жанрах ювелирного искусства. При том, что развитие было независимым, оно подвергалось влияниям, причем в различных направлениях. Наиболее мощными инструментами культурного диалога оказывались торговые пути и завоевания, такие как монгольское, которое повлияло на распространение, в частности, китайских технологий золотой филиграни по России и на Ближнем Востоке.

Any civilizational community is multicomponent. This applies to Asian megacultures: Chinese and Central Asian. The study of the history of cultural interaction makes it possible to reveal the transparency of the boundaries

of ancient cultures and the opportunity to identify the directions of cultural influences. For modern art history it becomes important to study not only the forms, but also the sources of their creation, the reasons for their preservation in history, as well as the main directions of change. As a research material, jewelry was chosen as a significant but little-researched sector of arts and crafts. The region is Central Asia and China, as well as Indochina (the Golden Triangle). Consideration of the history of metal processing and later of jewelry business in Central and East Asia allows us to talk about the constant interaction of different cultures, trends and styles lasting thousands of years. Being in the immediate geographical proximity, cultures of different ways of life, different beliefs developed their own trends in iconography, ornament, genres of jewelry art. While development was independent, it was influenced, and in different directions. The most powerful tools for cultural dialogue were trade routes and gains, such as the Mongolian one, which influenced the distribution, in particular, of Chinese technologies of gold filigree in Russia and the Middle East.

Ключевые слова: азиатское искусство, ювелирное искусство, серебряное дело, иконография, орнамент, культурные влияния, культурный диалог.

Keywords: asian art, jewelry, silver, iconography, ornament, cultural influences, cultural dialogue.

Введение

Любая цивилизационная общность многокомпонентна. Это касается азиатских мегакультур: китайской и центральноазиатской. Исследование истории культурного взаимодействия позволяет выявить прозрачность границ древних культур и возможность выделить направления культурных влияний. Для современного искусствознания становится важным изучение не только форм, но и источников их создания, причин их сохранения в истории, а также основных направлений изменения.

В качестве материала исследования выбрано ювелирное мастерство как значимый, но малоисследованный сектор декоративно-прикладного искусства. В качестве региона — Центральная Азия (в со-

ветских источниках — Средняя Азия) и Китай, а также Индокитай (Золотой Треугольник); сегодня под народами центральноазиатского региона подразумевают народы Казахстана и Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана, Монголии, Южной Сибири и Узбекистана. Как отмечают исследователи, сегодня расширенное понимание Центральной Азии требует выделения нескольких регионов, в частности, района Среднеазиатского междуречья, Монголии и Южной Сибири, который вобрал в себя древние цивилизации кочевников и земледельцев, а также стал местом пролегания Великого Шелкового пути [Баринова, 2013, 6–7].

Единые источники азиатской ювелирной традиции

Вопрос о едином генезе китайской и индоевропейских народностей до сегодняшнего дня остается дискуссионным; его обсуждают лингвисты [см. обзор проблем в: Баринова, 2013, 31–34]. Однако даже если эти народы имеют и различное происхождение, уже в ранний период их взаимодействия исследователи отмечают единство части лексики, что может быть объяснено культурным влиянием, то есть заимствованием: так, енисейские (протоевропейские) корни обнаруживаются в сино-тибетской лексике еще в эпоху сино-тибетского единства [там же, 32–33].

О единстве культурного базиса на больших территориях проживания европейских (условно среднеазиатских) и тихоокеанских (условно восточноазиатских) монголоидов свидетельствует сходство каменной индустрии палеолита на широчайшей территории [Баринова, 2013, 100]. Также исследователи отмечают сходство в палеолитических украшениях, которые издревле были средством самоидентификации [Питулько, 2010]. Связь нижне- и среднепалеолитических культур Востока и Запада Азии сохранялась, очевидно, и на позднем этапе периода, хотя в культуре бассейна Хуанхэ стало проявляться своеобразие.

Своеобразие и единство свойственно и для изделий, наследующих гунно-сарматским традициям. Многие орнаментальные мотивы, которые характерны для художественной обработки металлов у башкир и кыпчаков, киргизов и казахов, каракалпаков и туркмен: пальметки и полупальметки, розетки и листовидные фигуры, волны и завитки,

гирлянды вьющихся растений, рога и крестообразные фигуры, являются элементами древнего, гунно-сарматского происхождения [Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, 183–185]. В изделиях одного народа традиции могут причудливо переплетаться: так, у башкир принято украшать браслеты арабской графикой и имитирующим ее узорами, а в советское время к этим орнаментальным традициям добавилась и советская символика: «Чаще всего изображается пятиконечная звездочка в орнаменте и цветов и листьев» [там же, 188]. При этом формы украшений и технические приемы производства ближе всего у башкиров к татарам (очевидно влияние в технике филиграни).

В памятниках раннежелезного Китая (VII–V вв.) найдено немало украшений, отмеченных чертами «скифских» культур, распространённых от южной Германии до Хуанхэ [Баринова, 2013, 110]. Также и бронза возникает в Китае «неожиданно и в развитых формах» [там же, 118], что исследователи связывают с распространением влияния ближневосточных культур на Восток, через центральноазиатскую и сибирскую бронзовые культуры. Нефрит, игравший большую роль в ювелирном искусстве Китая, поступал первоначально с территории Восточного Туркестана.

Собственно ювелирное дело пришло в Китай от иранской цивилизации: появление ковки драгоценных металлов в Китае относится к эпохе Тан либо несколько предшествует ей. Б.Гюлленсворд тщательно исследует танское ювелирное дело и доказывает заимствование из Сасанидского искусства таких деталей и мотивов, как сцены охоты, противопоставление животных и птиц, растительные побеги, бордюр из лилий и так далее [Gyllensvard, 1958, 108–135]. Неудивительно, что художники-изгнанники, пострадавшие от мусульманского отказа от изобразительного искусства, встретили в Китае гостеприимство: при перестройке танского города Инчжоу в 717 г. для согдианцев были отведены специальные кварталы [Баринова, 2013, 192].

Важно и «обратное» влияние: так, китайская традиция искусства несомненно влияла на сибирское искусство; еще исследователи начала XX века высказывали идею о том, что скифо-сибирский мотив свернувшегося хищника обязан своим происхождением «кольцевидным зооморфным композициям» искусства Китая [Kossak, 1987, 29; Куроч-

кин, 1993, 65; Васильев, 2000, 18–19; Савинов, 2002, 67]. Как отмечает Е.Б.Баринова, «Кочевники творчески переработали не совсем понятное для них свернувшееся животное в “утробной позе” в кошачьего хищника, в соответствии с потребностями украшения предметов и с внутренней семантикой самого образа» [Баринова, 2013, 146].

И в дальнейшем исследователи отмечают значительное двустороннее влияние между ювелирными традициями центральноазиатского региона и Китая: так, Б.И.Маршак отмечает, что в VII — начале IX в. население земледельческих регионов Центральной Азии поддерживало тесные связи с Китаем, причем отмечается цельноазиатское воздействие на китайскую торевтику и влияние орнаментальности китайского искусства на цельноазиатское [Маршак, 1971, 50]. Например, древний китайский орнамент в виде косой сетки с кружками в каждой ячейке стал распространяться в Центральной Азии в VII в., а танский «лепестковый» бордюр — в VIII в. [Баринова, 2013, 243]. В археологических раскопках разных периодов по всей Центральной Азии находят китайские ювелирные украшения.

В период распространений буддизма в Китае произошла, по признанию исследователей, «встреча латинского Запада и татарского Востока»; так, найденный в Бердянске золоордынский ковш из окованной в золоченое серебро раковины отмечен влиянием итальянского Возрождения [Неглинская, О стилевых тенденциях…, 2012, 432]. Монголы поспособствовали и трансляции на Запад искусства золотой филиграни, в эпоху Сун достигшей расцвета в Китае; исследователи высказывают мнение, что эта филигрань поспособствовала развитию данного вида ювелирного искусства на Ближнем Востоке (Египет и Дамаск) и в мастерки русских митрополитов, определив одно из направлений мировой моды в ювелирном деле XIV века [Крамаровский, 2001, 30–42].

Исследование сино-тибетского стиля в цинском металле (XVII–XVIII вв.) позволяет говорить о том, что в ювелирном деле этого периода смешались такие влияния, как античные и скифские, индо-иранские и буддийские, а также экектика официального цинского искусства, что придавало произведениям сложность и многокомпонентность [см. Неглинская, Шинузари…, 2012]. И дальнейшие иссле-

дования позволяют говорить о том, что в Центральной и Восточной Азии на протяжении тысячелетий сформировался сложный стилевой конгломерат ювелирных тенденций, течений, традиций.

Заключение

Рассмотрение истории обработки металла и позже ювелирного дела в Центральной и Восточной Азии позволяет говорить о постоянном взаимовлиянии различных культур, тенденций и стилей длительностью в тысячи лет. Находясь в непосредственной географической близости, культуры различного образа жизни, различных верований развивали собственные тенденции в иконографии, орнаменте, жанрах ювелирного искусства. При том, что развитие было независимым, оно, конечно, подвергалось влияниям, причем в различных направлениях. Наиболее мощными инструментами культурного диалога оказывались торговые пути и завоевания, такие как монгольское, которое повлияло на распространение, в частности, китайских технологий золотой филиграни по России и на Ближнем Востоке. История культурного процесса на срезе ювелирного дела — дисциплина невероятно увлекательная, перспективная и ждущая еще своих преданных исследователей.

Библиография:

1. *Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. — Уфа, 1964. — 280 с.

2. *Баринова Е.Б.* Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье. — М., 2013. — 420 с.

3. *Васильев С.А*. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле. Каталог изображений. — СПб.: Гос. Университет, 2000. — 80 с.

4. *Крамаровский М.Г*. Сокровища Золотой Орды (каталог выставки). — СПб., 2001. — 200 с.

5. *Курочкин Г.Н*. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИИМК. — 1993. — Вып. 207. — С. 59–67.

6. *Маршак Б.И*. Согдийское серебро. — М.: Наука, 1971. — 191 с.

7. *Неглинская М.А*. О стилевых тенденциях эпох Юань и Мин / ред. А.И.Кобзев // Общество и государство в Китае: Т. XLII, ч. 3. — М., 2012.

— С. 395–433.

8. *Неглинская М.А*. Шинузари в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). — М.: Спутник+, 2012. — 478 с.

9. *Питулько В.В*. Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене / ред. А.П.Деревянко, А.Б.Куделин, В.А.Тишков // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 38–46.

10. *Савинов Д.Г*. Ранние кочевники верхнего Енисея. — СПб.: СПбГУ, 2002. — 202 с.

11. Gyllensvard B. T'ang Gold and Silver. — Göteborg, 1958. — 370 p.

12. *Kossak G*. Von den Anfängen des skytho-iranishen Tierstil. — München: Skythika, 1987. — 489 s.